

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочащая слякоть
Весною черною горит.

Достать пролетку. За шесть гривен
Чрез благовест, чрез клик колес
Перенестись туда, где ливень
Еще шумней чернил и слез.

Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.

Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

1912

Как бронзовой золой жаровень,
Жуками сыплет сонный сад.
Со мной, с моей свечою вровень
Миры расцветшие висят.

И, как в неслыханную веру,
Я в эту ночь перехожу,
Где тополь обветшало-серый
Завесил лунную межу,

Где пруд, как явленная тайна,
Где шепчет яблони прибой,
Где сад висит постройкой свайной
И держит небо пред собой.

СОН

Мне снилась осень в полусвете стекол,
Друзья и ты в их шутовской гурьбе,
И, как с небес добывший крови сокол,
Спускалось сердце на руку к тебе.

Но время шло, и старилось, и глохло,
И, паволокой рамы серебря,
Заря из сада обдавала стекла
Кровавыми слезами сентября.

Но время шло и старилось. И рыхлый,
Как лед, трещал и таял кресел шелк.
Вдруг, громкая, запнулась ты и стихла.
И, сон, как отзвук колокола, смолк.

Я пробудился. Был, как осень, темен
Рассвет, и ветер, удаляясь, нес,
Как за возом бегущий дождь соломин,
Грядущим бегущих по небу берез.

1913 - 1928

СОН (1913)	СОН (1928)
Мне снилась осень в полусвете стекол, Терялась ты в снедающей гурьбе. Но, как с небес добывший крови сокол, Спускалось сердце на руку к тебе. Припомню ль сон, я вижу эти стекла С кровавым плачем, плачем сентября; В речах гостей непроходимо глохла Гостиная ненастьем пустыря. В ней таял день своей лавиной рыхлой И таял кресел выцветавший шелк, Ты прежде всех, любимая, затихла, А за тобой и самый сон умолк. И – пробужденье. День осенний темен, И ветер – кормчим увозимых грез. За сном, как след роняемых соломин, Отсталое падение берез. Но в даль отбытья, в даль летеиской гребли Грустя, грустя, гляжу я, блудный сын, И подберу, как брошенные стебли, Пути с волнистым посвистом трясин. 1913	Мне снилась осень в полусвете стекол, Друзья и ты в их шутовской гурьбе, И, как с небес добывший крови сокол, Спускалось сердце на руку к тебе. Но время шло, и старилось, и глохло, И паволокой рамы серебра. Заря из сада обдавала стекла Кровавыми слезами сентября. Но время шло и старилось. И рыхлый, Как лед, трещал и таял кресел шелк. Вдруг, громкая, запнулась ты и стихла. И, сон, как отзвук колокола, смолк. Я пробудился. Был, как осень, темен Рассвет, и ветер, удаляясь, нес, Как за возом бегущий дождь соломин, Гряду бегущих по небу берез. 1928

Три варианта

1

Когда до тончайшей мелочи
Весь день пред тобой на весу,
Лишь знойное щелканье белочье
Не молкнет в смолистом лесу.

И млея, и силы накапливая,
Спит строй сосновых высот.
И лес шелушится и каплями
Роняет струящийся пот.

2

Сады тошнит от верст затишья.
Столбняк рассерженных лощин
Страшней, чем ураган, и лише,
Чем буря, в силах всполошить.

Гроза близка. У сада пахнет
Из усыхающего рта
Крапивой, кровлей, тленьем, страхом.
Встает в колонны рев скота.

3

На кустах растут разрывы
Облетелых туч. У сада
Полон рот сырой крапивы:
Это запах гроз и кладов.

Устает кустарник охать.
В небе множатся пролеты.
У босой лазури — походь
Голенастых по болоту.

И блестят, блестят, как губы,
Не утертые рукою,
Лозы ив, и листья дуба,
И следы у водопоя.